

Пушкин. Правда, сказал он это уже после того как, давая Краевскому один свой автограф, он в рассеянности не заметил, что на обороте его была записана эта эпиграмма. Спихватился он лишь тогда, когда Краевский стал ее читать. Тут же вырвал он листок из его рук.

На заседании председательствовал вместо заболевшего Уварова Дондуков-Корсаков, «лучезарный, в ленте, звездах, румяный, и весело, приветливо поглядывал на своих соседей академиком и на публику». «Ведь вот сидит довольный и веселый,— шепнул Пушкин Краевскому, мотнув головой по направлению к Дундукову,— а ведь сидит-то на моей эпиграмме! ничего, не больно, не вертится!»³

Краевский говорил, что эпиграмма давно была известна, но что Пушкин постоянно уверял, что она принадлежит Соболевскому⁴. Тут скрывать свое авторство он уже не мог. От людей близких он его, впрочем, и не скрывал. Эпиграммой своей он был доволен и охотно цитировал ее, в конце своей жизни особенно. «Не увидимся ли в Академии наук, где заседает князь Дундук?» — писал он около 29 декабря 1836 г. В. Ф. Одоевскому перед заседанием.

Но чем же можно объяснить появление профиля Дондукова-Корсакова в рукописях Пушкина в январе — феврале 1830 г.? Это одна из множества загадок биографии Пушкина...

В. В. Пугачев

*

Пушкин и Чаадаев

В первое десятилетие после восстания декабристов наиболее крупными русскими мыслителями были Пушкин и Чаадаев. Ни Полевой, ни Надеждин не могли идти с ними ни в какое сравнение. Белинский стал широко известен лишь с середины 30-х годов, Герцен еще позже. Поэтому идейные взаимоотношения поэта и автора «философических писем» представляют особую значимость не только для литературоведов, но и для историков общественного движения.

Вся сознательная жизнь Пушкина была тесно связана с Чаадаевым. Познакомившись с ним еще в Лицее (1816), Пушкин на первых порах испытал бесспорное влияние старшего друга.

³ См.: «Русский архив», 1892, № 8, стр. 489—490.

⁴ См.: «Русская старина», 1880, сентябрь, стр. 219—220.

Глубокое уважение к Чаадаеву, даже восхищение им и одновременно сожаление о его несостоявшейся (в условиях России) политической судьбе поэт в 1819 г. выразил словами: «Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес». Но это еще не значит, что взгляды их полностью совпадали — на юге Пушкин вспоминает «их пророческие споры».

Впервые полемические интонации Пушкина слышатся в 1820 г., в его знаменитом послании¹. Уже тогда Пушкин доказывал, что «Россия вспрянет ото сна». Это было продолжение устных споров об истории, грядущих судьбах и о нынешнем состоянии России.

Тезис о «сне» России был в то время распространен. Такого мнения придерживался и Денис Давыдов. В его письме к П. Д. Киселеву говорилось: «Расслабившись ночною грезой, она мне не внемлет»².

Чаадаев меньше других верил в пробуждение России. По-видимому, остов будущих положений «Философических писем» складывался у него уже тогда. Даже южноевропейские революции 1820 г. не уничтожили до конца чаадаевского скепсиса.

Пушкин же, весной 1820 г. думавший о террористическом акте против Александра I, верил в пробуждение России, полностью сходясь с декабристами. Уже тогда Пушкин спорил с Чаадаевым в послании «Любви, надежды, тихой славы...»

Но особенно обострился спор после 14 декабря 1825 г.

Со второй половины 20-х годов передовая русская общественная мысль теоретически перевооружается. Характерной ее особенностью становится историзм, порожденный опытом Великой французской революции, наполеоновских войн и 14-м декабря.

Французское просвещение XVIII в. было метафизическим, антиисторичным. Оно не могло больше удовлетворять русских политиков, мучительно осмысливавших в историческом аспекте причины крушения декабризма. Естественным было обращение к немецкой классической философии — к Шеллингу и Гегелю, рассматривавшим мир в развитии. Если большинство русских интеллигентов совершает этот переход в конце 20-х годов, то Чаадаев обратился к Шеллингу еще в 1825 г. (см. его письмо к Шеллингу от 1832 г.)³. С 1826 г. и увлечение философией Шеллинга, и историзм Чаадаева усиливаются.

Чаадаев пытается понять причины неудачи как восстания

¹ Обоснование датировки послания 1820-м годом, выдвинутое Ю. Г. Оксманом, см. в нашей заметке «Пушкинское послание к Чаадаеву» («Временник Пушкинской комиссии», вып. 6. Л., 1970, стр. 82—88).

² См. нашу статью: «Д. Давыдов и декабристы». — В сб. «Декабристы в Москве». М., 1963, стр. 135.

³ «Сочинения и письма П. Я. Чаадаева», т. I. Под редакцией М. О. Гершензона. М., 1914, стр. 167; перевод в т. II, стр. 183. См. также: П. Н. Милуков. Главные течения русской исторической мысли. Изд. 3. СПб., 1913, стр. 323 сл.

Декабристов, так и правительственных реформ. Итогом его размышлений явились «Философические письма», ставшие известными Пушкину сразу же по их написании, задолго до публикации (в 1831 г.). Именно Пушкин первым получил эту рукопись. По-видимому, Чаадаев надеялся опубликовать ее с помощью Пушкина. В письме к нему от 17 июня 1831 г. Чаадаев спрашивал: «Что же, мой друг, что стало с моей рукописью? От Вас нет вестей с самого Вашего отъезда... Постарайтесь... чтобы мне не пришлось слишком долго дожидаться моей работы, и напишите мне поскорее, что Вы с ней сделали»⁴. 7 июля 1831 г. Чаадаев напомнил Пушкину: «Дорогой друг, я писал Вам, прося вернуть мою рукопись; я жду ответа. Признаюсь Вам, что мне не терпится получить ее обратно; пришлите мне ее, пожалуйста, без промедления. У меня есть основания думать, что я могу ее использовать немедленно и выпустить ее в свет вместе с остальными моими писаниями»⁵. В письме от 18 сентября того же года снова старый вопрос: «Ну, что же, мой друг, куда Вы девали мою рукопись? Холера ее забрала, что ли?»⁶

Пушкин отвечал 6 июля 1831 г.: «Ваша рукопись все еще у меня. Вы хотите, чтобы я Вам ее вернул? Но что будете Вы с ней делать в Некрополе? Оставьте ее мне еще на некоторое время»⁷.

По-видимому, поэт колебался, помогать ли Чаадаеву в публикации его произведения. Думается, что его останавливали не только цензурные опасения. Для Пушкина не все было приемлемо в самом содержании чаадаевского сочинения. Соглашаясь с его негативной частью, он был далек от конструктивных построений «философических писем». В октябре 1836 г. поэт писал Чаадаеву: «Поспорив с Вами, я должен Вам сказать, что многое в Вашем послании глубоко верно. Действительно, нужно сознаться, что наша общественная жизнь — грустная вещь. Что это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всему, что является долгом, справедливостью и истиной, это циничное презрение к человеческой мысли и достоинству — поистине могут привести в отчаяние. Вы хорошо сделали, что сказали это громко»⁸. На этом полное единомыслие кончалось. Пушкин и Чаадаев оценивали по-разному и причины общественной апатии, и ее следствия.

Чаадаев (не без влияния Карамзина) полагал, что русские не готовы к свободе. Поэтому не удаются ни реформы сверху (в том числе петровские), ни революционные выступления. А неподготовленность к свободе определялась всем ходом исторического развития России, принципиально отличного от западно-

⁴ «Сочинения и письма П. Я. Чаадаева», т. II, стр. 176.

⁵ Там же, стр. 177.

⁶ Там же, стр. 178.

⁷ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. X. М., «Наука», 1941, стр. 866.

⁸ Там же, стр. 875—876.

европейского: «...На Западе все создано христианством, — читаем в первом «Философическом письме». — Интересы всегда следовали там за идеями, а не предшествовали им; убеждения никогда не возникали там из интересов, а всегда интересы рождались из убеждений. Все политические революции были там в сущности духовными революциями: люди искали истину и попутно нашли свободу и благосостояние». В России все шло по-другому: «Непричастные этому чудотворному началу, мы сделали жертвою завоевания. Когда же мы свергли чужеземное иго... мы подпали еще более жестокому рабству, освященному, притом, фактом нашего освобождения. Весь мир перестраивался заново, а у нас ничего не созидалось; мы по-прежнему прозябали, забившись в свои лачуги, сложенные из бревен и соломы»⁹. Христианство, заимствованное из Византии, оторвало Россию от остального европейского мира, шедшего по пути католичества.

Пушкин не соглашался ни с таким толкованием русской истории, ни с такой оценкой степени готовности русских к свободе. В 1831 г., допуская, по-видимому, возможность переубедить Чаадаева, он осторожно, но выразительно высказал свое несогласие с чаадаевской концепцией: «Ваше понимание истории для меня совершенно новое, и я не всегда могу согласиться с Вами: например, для меня непостижимы Ваша неприязнь к Марку Аврелию и пристрастие к Давиду... Не понимаю, почему яркое и наивное изображение политеизма возмущает Вас в Гомере. Помимо его поэтических достоинств, это, по Вашему собственному признанию, великий исторический памятник. Разве то, что есть кровавого в Илиаде, не встречается также и в Библии? Вы видите единство христианства в католицизме, то есть в папе. Не заключается ли оно в идее Христа, которую мы находим также и в протестантизме? Первоначально эта идея была монархической, потом она стала республиканской»¹⁰.

Чаадаев не изменил текста письма и опубликовал его в 1836 г. в прежнем виде. Тогда Пушкин высказался (в письме от 19 октября 1836 г.) более резко: «Нет сомнения, что схизма (разделение церквей) отъединила нас от остальной Европы и что мы не принимали участия ни в одном из великих событий, которые ее потрясали, но у нас было свое особое предназначение... Вы говорите, что источник, откуда мы черпали христианство, был нечист, что Византия была достойна презрения и презираема и т. п. Ах, мой друг, разве сам Иисус Христос не родился евреем, и разве Иерусалим не был притчею во языцех?.. Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с Вами согласиться». Пушкин ссылаясь на войны Олега и Святослава, на борьбу с татарским нашествием, на «двух Иванов», на Лжедмитрия. «А Петр Великий, который один есть целая всемирная

⁹ «Сочинения и письма П. Я. Чаадаева», т. II, стр. 118, 119, 121.

¹⁰ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. X, стр. 841—842.

история! А Екатерина II, которая поставила Россию на пороге Европы? А Александр, который привел нас в Париж? и (положе руку на сердце) разве не находите Вы чего-то значительного в теперешнем положении России, чего-то такого, что поразит будущего историка? Думаете ли Вы, что он поставит нас вне Европы?»¹¹

Спор был прерван гибелью Пушкина. Лишь близкие друзья поэта и Чаадаева знали все перипетии этой полемики. Но суть ее отразилась во многих произведениях Пушкина — в цикле произведений о Петре Великом и в «Евгении Онегине». В настоящей заметке я остановлюсь на скрытой полемике с Чаадаевым именно в «Онегине».

«Онегин» истолковывался и истолковывается по-разному. Все вызывает споры — замысел романа, его суть, образ основного героя. Poleмика особенно усилилась после публикации стихов, названных десятой главой. При этом были выдвинуты две концепции. По одной — Онегин приходит к декабристам. Последовательнее всех эту точку зрения развивал выдающийся пушкинист Г. А. Гуковский¹². По другой концепции, Онегин не стал декабристом и не мог им стать. В этом его сходство с Чаадаевым и в этом его трагедия. Такую точку зрения развивал Ю. Г. Оксман, отрицавший, что стихи, публикуемые обычно как десятая глава, относятся к «Евгению Онегину». Принимая, в общем, концепцию Ю. Г. Оксмана, я попытаюсь несколько уточнить ее.

«Евгений Онегин» — роман о современном человеке, о его судьбе, о причинах его неудовлетворенности жизнью. Пушкин не делает своего героя декабристом, но благодаря Онегину проясняется многое в отношении поэта к декабризму, а также его политическая позиция в целом.

Уже отмечалась близость Ленского к Кюхельбекеру¹³, Онегина — к Чаадаеву¹⁴. Пушкин не видит перспектив ни в методах борьбы первого, ни в пессимизме второго. В свое время Герцен писал о Ленском: «Поэт видел, что такому человеку нечего делать в России, и он убил его рукой Онегина <...> Пушкин сам испугался этого трагического конца: он спешит утешить читателя, рисуя ему пошлую жизнь, которая ожидала бы молодого поэта»¹⁵. Про себя же Пушкин добавлял: «Иль быть повешен, как Рылеев». Отношение Пушкина к Онегину, чрезвычайно сложное, с течением времени менялось. Герцен писал, что положительными героями времени были декабристы, а не Онегин. И он, конечно, прав. Но зато в образе Онегина отразился тип,

¹¹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. X, стр. 874—875.

¹² Г. А. Гуковский. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., 1957.

¹³ Ю. Н. Тынянов. Пушкин и его современники. М., «Наука», 1968, стр. 273 и сл.

¹⁴ Н. Л. Бродский. «Евгений Онегин». Роман А. С. Пушкина. М., 1964, стр. 87—88.

¹⁵ А. И. Герцен. Собрание сочинений, т. VII. М., Изд-во АН СССР, 1956, стр. 206.

наиболее распространенный среди тогдашней передовой дворянской молодежи. Людей действия, членов тайной организации насчитывалось значительно меньше. «Узок круг этих революционеров»¹⁶, — писал Ленин. Вне этого круга был и Онегин. Близкий к ним по взглядам, стоявший на перепутье разных жизненных дорог, он не стал и не мог стать декабристом, что и было причиной его личной трагедии. К числу таких людей относился и Чаадаев. Он мог бы быть одним из руководителей тайного общества. Но, не веря в революцию, он так и не стал русским карбонарием и до 1830-х годов не оказывал на общественную жизнь того влияния, которое мог бы оказать.

Пушкин еще в начале 1820-х годов оспаривал скепсис и пессимизм Чаадаева с позиций, близких Рылееву. Если Карамзин, оценивая итоги Французской революции, писал, что «каждый бунтовщик готовит себе эшафот»¹⁷ и, следовательно, участвовать в революции губительно и ненужно, то Рылеев, предсказывая свою гибель в борьбе за свободу, был готов идти на смерть ради будущего. Позже такую же позицию займет Чернышевский. Пушкин, как и Рылеев, звал к подвигу, к самопожертвованию. Позиция Чаадаева, скептически относящегося к борьбе, представлялась ему бесперспективной. В этом же плане осуждался и Онегин.

В первой главе, подчеркивая внешнее сходство Онегина с Чаадаевым, — «второй Чадаев, мой Евгений...» — Пушкин отмечает и их духовное сходство, рисуя своего героя как собеседника резко критического склада, скептика, каким скорее всего мог быть Чаадаев:

С ним подружился я в то время.
Мне нравились его черты,
Мечтам невольная преданность,
Неподражательная странность
И резкий, охлажденный ум.
Я был озлоблен, он угрюм;
Страстей игру мы знали оба;
Томила жизнь обоих нас:
В обоих сердца жар угас,
Обоих ожидала злоба
Слепой фортуны и людей
На самом утре наших дней.
Кто жил и мыслил, тот не может
В душе не презирать людей;
Кто чувствовал, того тревожит
Призрак невозвратимых дней...

¹⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 21, стр. 261.

¹⁷ Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника. — В кн.: Н. М. Карамзин. Избранные сочинения, т. 1. М.—Л., 1964, стр. 382.

Отношение к Онегину в этой песни очень сложное. Задумав роман как сатирическое произведение, допуская даже возможность его нелегального распространения, Пушкин рисует Онегина как отрицательного героя, бездействию и скепсису которого не следует подражать. Однако как реалист Пушкин не представляет отрицательного героя, наделенного лишь одними недостатками. В Онегине много и привлекательного. Пушкин явно подчеркивает, что он сам в какой-то мере испытал влияние Онегина (или того, кто за ним скрывался,— скорее всего Чаадаева):

Сперва Онегина язык
Меня смущал; но я привык
К его язвительному спору,
И к шутке с желчью пополам,
И к злости мрачных эпиграмм

Язык Онегина не совсем чужд Пушкину. Именно в это время под влиянием поражения испанской революции он пишет «Свободы сеятель пустынный...» с горькими строками:

Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.

И все же в эти годы Пушкин склонялся к политическому протесту, к политической борьбе. Достаточно вспомнить его разговор с Пушиным в Михайловском в 1825 г. Чисто психологическая оппозиционность Онегина, как и внутренний индивидуалистический протест Чаадаева, его не устраивала. Образом Онегина в какой-то степени продолжается полемика с Чаадаевым. В Онегине осуждается преждевременная старость души, характерная для большинства молодежи его круга. Отсюда противоречивые, порой иронические интонации в характеристике героя, особенно в первой главе. Но образ Онегина от главы к главе менялся.

Роман писался в течение семи лет. За это время потерпела поражение испанская революция. У большинства декабристов это порождает неверие в успех военной революции — они думают, что народ не поддержит ее. Нарастает скепсис. Восстание декабристов разгромлено. Новой революции в России не предвиделось. А 1830 год во Франции убил последние иллюзии о преимуществах режима, утвердившегося в Западной Европе после крушения Наполеона (т. е. по существу — буржуазного строя). Революционный подъем сменился периодом реакции, внешним торжеством полицейского государства, бюрократии. Теперь скепсис приобрел другое звучание. Не отвлекая больше от революционного движения (которого пока не было), скептицизм прстивостоял официальной идеологии, парадности, разъ-

едал ее. Поэтому-то чаадаевские «Философические письма» и вызвали живейший отклик в прогрессивных кругах русской общественности.

В новой исторической обстановке изменяется и образ Онегина. По мнению Ю. Г. Оксмана, отношение Пушкина к человеку онегинского типа меняется именно после 14 декабря. Соглашаясь с ним в принципе, я склонен думать, что эволюция начинается несколько раньше, приблизительно с 1824 г., когда писалась вторая глава, хотя переломным, конечно, является декабрь 1825 г.

Начиная со второй главы, иронии по отношению к Онегину все меньше, сочувствия — все больше. После 14 декабря даже внутренний протест, даже чисто теоретическая постановка вопроса о независимости личности приобретала положительное значение. Онегин с его независимостью на фоне безмолвного, покорного властям света выглядит положительным явлением. Онегин — не декабрист. Он не пришел в тайное общество. Десятая глава не подтверждает тезиса о пути Онегина на Сенатскую площадь.

Представляется, что судить о романе нужно по его окончательной редакции, а не по черновым вариантам, от которых автор отказался. Закончив роман на восьмой главе, Пушкин, вероятно, считал его законченным. Так смотрели на него и современники. Так же воспринимали его Белинский и Герцен. Между тем в печатном варианте романа (т. е. в его окончательной редакции) Онегин отнюдь не становится декабристом. Вряд ли это можно объяснить только цензурой. Характер концовки романа принципиально нов. Пушкин не навязывает свой вывод читателю. Он предлагает ему подумать над причинами личной трагедии Онегина. Может быть, поэтому были отброшены и более ранние варианты концовки романа.

Думается, что попытки ряда авторов видеть в Онегине декабриста в конце романа объясняются настойчивым желанием связать эволюцию образа Онегина с его вступлением в тайное общество. Эта тенденция подчас заставляла исследователей, в том числе и очень серьезных, не всегда точно истолковывать документы, подчас принимать желаемое за действительное, иногда преувеличивать значимость одних свидетельств, преуменьшать важность других. В результате о десятой главе, о ее роли в романе высказано немало предположений, не подтверждаемых необходимыми фактами.

Дошла ли до нас десятая глава? Знаем ли мы хотя бы отрывки из нее? Существует заявление Пушкина в конце автографа «Метели», датированное 20 октября 1830 г.: «19 окт. сожж. X песнь». Мы не знаем, почему Пушкин уничтожил десятую главу. Цензурные соображения — вряд ли единственное объяснение. Характерно и время сожжения — октябрь 1830 г., когда Пушкин явно разочаровался в итогах Французской революции. Может

быть, и по этой причине Пушкину было трудно писать о декабристах — судить о них на основании печального опыта было бы несправедливо. Восторженно же писать после 1830 г. было трудно. Не зная точно причин уничтожения десятой главы, мы можем только констатировать, что Пушкин исключил наряду с десятой и девятую главу. Обе они — черновые, в конце концов отвергнутые автором. При этом, если текст девятой главы до нас частично дошел, то о десятой главе сведения настолько неопределенны, что по ним трудно судить об отношении Онегина к декабристам.

Высказывая предположение, что расшифрованные П. О. Морозовым пушкинские стихи вовсе не являются десятой главой «Онегина», Ю. Г. Оксман подчеркивает, что там не упоминается ни один из персонажей романа. Скорее всего, это отдельная поэма, написанная онегинской строфой. Думается, что так это и было. Против тождества десятой главы с морозовским текстом свидетельствует ряд фактов. Обратимся прежде всего к дневниковой записи П. А. Вяземского от 19 октября 1830 г.: «Третьего дня был у нас Пушкин. Он много написал в деревне: привел в порядок 8 и 9 главу Онегина, и ею и кончает; из 10-й, предполагаемой, читал мне строфы о 1812 годе и следующих — славная хроника: *Я мещанин, я мещанин*; эпиграмму на Булгарина за Арапа; написал несколько повестей в прозе, полемических статей, драматических сцен в стихах: Дон-Жуана, Моцарта и Сальери; *У вдохновенного Никиты, у осторожного Ильи*»¹⁸.

Истолковывая свидетельство П. А. Вяземского, Б. В. Томашевский писал: «Цитируемые в конце стихи вполне отождествляют 10-ю главу, о которой пишет Вяземский, с известными нам отрывками»¹⁹. Вряд ли с этим можно согласиться. Думается, что скорее наоборот, последние слова Вяземского свидетельствуют о том, что приводимые Морозовым стихи не относятся к десятой главе. Вяземский перечисляет *разные* произведения Пушкина: 1) восьмую, девятую и отрывки десятой главы «Онегина»; 2) куплеты «Я мещанин»; 3) эпиграмму на Булгарина; 4) повести в прозе, статьи, драматические сцены и, наконец, 5) «У вдохновенного Никиты». Последнее оторвано от десятой главы и дано в перечислении, аналогично другим, самостоятельным произведениям. В отличие от остальных — в том числе и десятой главы, — оно никак не названо. Возможно, из-за опасного характера произведения. Произведения самостоятельного, хотя и написанного онегинской строфой.

Думается, что запись Вяземского подтверждает точку зрения Ю. Г. Оксмана. Расшифрованные Морозовым стихи, печатаемые как десятая глава «Онегина», по-видимому, являются самостоятельным произведением.

¹⁸ П. А. Вяземский. Полное собрание сочинений, т. IX. СПб., 1884, стр. 152.

¹⁹ Б. В. Томашевский. Пушкин, кн. II. Материалы к биографии. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 208.

Стремление во что бы то ни стало восстановить текст десятой главы привел даже к произвольному включению в нее строк:

Одну Россию в мире видя,
Преследуя свой идеал,
Хромой Тургенев им внимал
И, плети рабства ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян.

Этих строк в морозовском тексте нет. Они взяты из письма А. И. Тургенева брату Николаю Ивановичу от 11 августа 1832 г.: «Есть тебе и еще несколько бессмертных строк о тебе. Александр Пушкин не мог издать одной части своего Онегина, где он описывает путешествие его по России, возмущение 1825 года и упоминает, между прочим, и о тебе». Далее А. Тургенев приводит цитируемую выдержку и продолжает: «В этой части у него есть прелестные характеристики русских и России, но она останется надолго под спудом. Он читал в Москве только отрывки»²⁰ А. Тургенев пишет о путешествии Онегина, т. е. о девятой, а не о десятой главе. Включать эти строки в морозовский текст, где они отсутствуют, нет никаких оснований, если и считать расшифрованные Морозовым стихи десятой главой.

Настораживает отсутствие в расшифрованных Морозовым стихах упоминаний об Онегине и о других персонажах романа. Главные герои здесь — исторические лица, в то время как в остальных главах они под своими именами появляются лишь эпизодически. Правда, судя по свидетельству Вяземского, десятая глава — «славная хроника». Она воссоздает исторический фон (глазами Пушкина) эпохи, в которую жил Онегин (что убедительно показал Ю. М. Лотман). И все же целая глава без Онегина мало вероятно.

Думается, что вопрос о тексте десятой главы, об ее идентичности с расшифрованными Морозовым стихами остается открытым. Возможно, морозовский текст как-то связан с романом, а также и с десятой главой, вырос из нее, но вряд ли тождествен ей. По-видимому, делать выводы об отношении Онегина к декабристам на основе десятой главы более чем рискованно. Единственное надежное свидетельство о ней — дневниковая запись Вяземского — дает слишком общие сведения. Об Онегине — никаких. Отметим, что и в девятой главе, судя по письму А. Тургенева, Онегин в лучшем случае — очевидец 14 декабря. Об его участии в тайной организации не сказано ни слова.

Одним из доказательств намерений Пушкина привести Онегина в стан декабристов считают воспоминания М. В. Юзефовича

²⁰ «Из документов архива братьев Тургеневых. Отрывок из «Путешествия Онегина». Публикация В. Истрина.— «Журнал Министерства народного просвещения», 1913, № 3, стр. 16.

о Пушкине, о его пребывании на Кавказе в 1829 г.: «Он объяснил нам довольно подробно все, что входило в первоначальный его замысел, по которому, между прочим, Онегин должен был или погибнуть на Кавказе, или попасть в число декабристов»²¹ Самое большее, о чем свидетельствуют эти мемуары,— это то, что в 1829 г. Пушкин еще не решил, как кончит роман. Впоследствии же поэт отказался от «декабристской» концовки.

Было бы странно, если бы после 14 декабря, когда все слабые стороны движения декабристов стали очевидны, Пушкин привел Онегина к Пестелю и Рылееву. Сам поэт переживал период мучительных идейных поисков. И герой его романа должен был ответить на новые вопросы, вставшие перед русской общественностью в конце 20-х — начале 30-х годов. Окончание романа в восьмой главе заставляло задуматься — так же, как «Философические письма». Это отметил Белинский: «Что случилось с Онегиным потом (...) Не знаем, да и на что нам знать это, когда мы знаем, что силы этой богатой природы остались без приложения, жизнь без смысла, а роман без конца? Довольно и этого знать, чтоб не захотеть больше ничего знать...»²²

Отметим, что признавая за Онегиным право на холодный скепсис, сам Пушкин продолжает активное участие в политике. Он не согласен ни с Онегиным, ни с Чаадаевым. Poleмика продолжается. Только Пушкин выступает уже не как единомышленник декабристов, а как передовой человек 30-х годов. Его занимают две темы — Петр Великий и Пугачев, т. е. «просвещенный абсолютизм» и народ. Именно по этим проблемам пошла теперь полемика с Чаадаевым. Только на этот раз речь шла не об отношении к борьбе, а о степени готовности русских к свободе. Но это уже выходит за рамки данной работы.

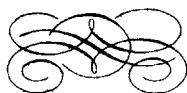
²¹ «Русский архив», 1880, кн. III (2).

²² В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. VII. М., Изд-во АН СССР, 1955, стр. 469.

Академия наук СССР
Институт мировой литературы
им. А. М. Горького

ИСКУССТВО СЛОВА

СБОРНИК СТАТЕЙ
К 80-ЛЕТИЮ
ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА АН СССР
ДИМИТРИЯ ДИМИТРИЕВИЧА
БЛАГОГО

Издательство «Наука»
Москва 1973